

А.З. Цховребова

Кавказский кризис 2008 года и его причины (политологический анализ)

А.З. Цховребова*

События вокруг Южной Осетии в августе 2008 г. по всем меркам вооруженных конфликтов на много уступают большинству таких столкновений на постсоветском пространстве и Балканах, не говоря уже о локальных войнах периода холодной войны. Однако по своим политическим последствиям и резонансу Кавказский кризис августа 2008 г. может намного превзойти все повторные моменты, имевшие место после распада СССР, включая удар НАТО по Югославии в 1999 г. и «черный сентябрь» США в 2001 г. Последствия кризиса охватывают не только локальный, но также региональный и глобальный уровни.

Территория постсоветского пространства становится одной из главных арен международных противоречий и угроз международной безопасности, наряду с Расширенным Ближним Востоком (РБВ) и Южной Азией. Особую тревогу вызывает то, что соперничество здесь отныне может стать не только экономическим и политическим, но и принять форму военного противостояния ведущих держав и союзов мира в конфликтных зонах. Новая холодная война, при всей условности таких параллелей, стала бы тогда вполне реальной.

Причину такого небывалого обострения и напряженности в мире, после войны в Южной Осетии, эксперты объясняют несколькими обстоятельствами, которые сейчас, ретроспективно, становятся более ясными.

Во-первых, Россия после 1979 г. (ввод советских войск в Афганистан) впервые использовала военную силу против другого государства.

Во-вторых, применив армию против Грузии, РФ впервые поставила под сомнение легитимность конфигурации существующих территориальных границ на постсоветском пространстве. На самом деле, все государства, образовавшиеся после распада Советского Союза, имели весьма условные границы, которые зачастую не соответствовали этническому, экономическому и прочим параметрам. Это были границы, прочерчен-

ные Сталиным в 20-х годах минувшего века, и они превратились в государственные границы, породив огромные противоречия [1].

В-третьих, впервые в истории мировой политики Россия нанесла прямое военное поражение фактическому, если не юридическому, союзнику США. Это привело «единственную сверхдержаву» в состояние бессильного бешенства. Такая реакция была вызвана тем, что Вашингтон обучал и вооружал грузинскую армию, использовал ее поддержку в Ираке, давал обязательства покровительства и принятия Грузии в НАТО и, вероятно, подстрекал Тбилиси к военной авантюре в Южной Осетии (вопрос лишь в том, прямо или косвенно). К тому же провал этой авантюры произошел в обстановке американской избирательной кампании [1].

В-четвертых, столь острая реакция со стороны Запада связана и с оценкой внутреннего развития России. В текущем десятилетии на Западе сложилось устойчивое представление об авторитарной реставрации внутри Российской Федерации и о том, что это может создать опасность «внешних выбросов», в частности, возрождения российского «неоимпериализма». В то же время приход нового российского президента, его демократические заявления и грандиозные планы внутренних преобразований страны породили немало надежд, особенно в Европе. На этом фоне пятнадцатидневная война на Южном Кавказе произвела отрезвляющий эффект. В результате, конечно, и те, чьи ожидания и подозрения в отношении России как будто бы подтвердились, и те, чьи надежды вроде бы были развеяны, одинаково остро на это прореагировали.

И, наконец, последний момент, не связанный напрямую с данным конфликтом. В последующие два месяца после кавказского конфликта Россия развила небывалую военную активность, явно бросая вызов США и НАТО и демонстрируя способность отразить нападение любого реального или воображаемого врага. (Россия совершила

*Цховребова А.З. –

ст. преподаватель Горского ГАУ

полеты бомбардировщика Ту-160 в Венесуэлу, организовала поход в Карибское море группы российских военных кораблей во главе с атомным крейсером «Петр Великий», провела командно-штабные учения совместно с Белоруссией по отражению атак террористов и воздушно-космического нападения, а также осуществила серию испытаний стратегических ракет, сопровождаемых грозными заявлениями военачальников.) Эта деятельность, конечно, реально несколько не пугает военно-политическое руководство НАТО, но создает для него «фронт работ», который по желанию можно использовать для широкой кампании по возрождению «военной угрозы» Москвы [1].

Кроме того, проявились и другие факторы. Впервые в истории при серьезной военной акции Москвы не произошло сплочения НАТО, а наоборот, имел место глубокий раскол НАТО и ЕС вокруг вопроса об отношении к действиям РФ. Показательно, что Европейский союз в лице президента Франции Н. Саркози взял на себя роль посредника между Россией и Грузией, а на деле – между РФ и США, впервые выступив в качестве не только экономического, но и политического центра силы. Таким образом, возросла роль Евросоюза в мировой политике [2].

В то же время не продемонстрировали единство и такие организации, как СНГ, ОДКБ и ШОС. Во время конфликта они хранили молчание, а после одобрили в целом миротворческие усилия РФ, но при этом не поддержали признания двух республик.

Эксперты подчеркивают, что в ходе конфликта Россия апеллировала к ст. 51 Устава ООН. Это одна из самых важных статей, которая провозглашает право государств на индивидуальную или коллективную самооборону в случае агрессии [1, с. 5]. Россия прибегла к этой статье, но ни один из ее союзников не поддержал РФ в такой критической ситуации, которая предполагается этой статьей. Между тем Ташкентский договор 1992 г., на котором основывается ОДКБ, в ст. 4 почти дословно повторяет ст. 5 хартии НАТО, условно называемую «один за всех и все за одного». Напомним, что после террористических актов в США в 2001 г. НАТО впервые в своей истории воспользовалась этой статьей, предложив военную помощь Америке.

На фоне кавказского конфликта возникает абсолютно традиционная картина. Проблемы союзнической солидарности наблюдались как у России в связи с ее взаимоотношениями внутри ШОС и ОДКБ, так и в отношениях США с европейскими партнерами по НАТО, внутри НАТО в целом, внутри Европейского союза. Наши ближайшие союзники, включая и Белоруссию, и Армению, и Казахстан, и Таджикистан, и Узбекистан (многих из которых Россия поддерживала, мно-

гие существуют благодаря помощи с ее стороны), ясно дали понять, какую позицию они занимают. Их реакция была весьма симптоматична, и они не поверили в обращение России к ст. 51 Устава ООН (то есть не поверили, что она подверглась агрессии и использует право на самооборону) или поверили, но решили Россию не поддерживать, вопреки ст. 4 Ташкентского договора. Наверное, они не хотели создавать прецедент, имея свои собственные проблемы территориальной целостности, или не пожелали портить отношения с Западом ради союзнической солидарности с Москвой [1, с. 5]. Как представляется специалистам, главный, ключевой вопрос после кавказского кризиса августа 2008 г. состоит в следующем: останется ли эта быстротечная война исключительным эпизодом новейшей истории на постсоветском пространстве и вообще в отношениях России с Западом, или же события вокруг Южной Осетии – это знамение новой фазы процесса распада советской империи – отныне по югославской модели? Тогда за ней могут последовать кризисы и вооруженные конфликты из-за передела границ с Украиной вокруг Крыма, с Казахстаном по его северной и западной областям с русскоязычным населением, между Арменией и Азербайджаном из-за Карабаха с вовлечением Турции и России, между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией из-за Ферганы и пресной воды. Конфликты на Южном Кавказе могут быстро перекинуться на Северный Кавказ, превратив весь регион в одну огромную зону нестабильности и насилия, с самыми пагубными прямыми последствиями для самой России [1, с. 6].

Кризис на Кавказе кардинальным образом изменил ситуацию в мире, в том числе существенно повлиял на политические процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. Пока рано подводить окончательные итоги, поскольку кризис продолжается. Но самые очевидные результаты можно определить уже сейчас. Так, складывающаяся новая система международных отношений, связанная с завершением периода однополярного мира и восстановлением роли России как великой державы, требует от нас пересмотра внешнеполитического курса, который до последнего времени определялся «прагматизмом». Такой курс, направленный на сиюминутную экономическую выгоду, абсолютно бесперспективен и обрекает страну на роль аутсайдера в международной политике. В этой связи чрезвычайно важно находить и привлекать союзников в мире, в качестве которых, как показали события на Кавказе, могут рассматриваться и многие страны Ближнего и Среднего Востока. Они же потенциально являются естественными союзниками России в деле выстраивания более предсказуемого и стабильного

мирового порядка, при котором существовало бы равновесие центров сил и не было доминирования одной сверхдержавы. Такой баланс сил, при условии решения конфликтов посредством международных институтов, прежде всего ООН, способен стать лучшим гарантом стабильности в мире.

Возвращение России, знаменующее конец однополярного мира, с удовлетворением было воспринято значительной частью правящей элиты, политического истеблишмента и обычными гражданами на Ближнем и Среднем Востоке [3].

Так, по мнению старшего научного сотрудника Центра арабских исследований Института востоковедения РАН В.Б. Долгова, «официальную позицию большинства арабских государств можно оценить как сдержанно-нейтральную. Они не присоединились к антироссийской пропагандистской кампании, развернутой на Западе, но и не оказали России открытой поддержки» [3].

В целом, по мнению эксперта, если проанализировать высказывания государственных и политических деятелей, а также СМИ стран Арабского Востока в отношении действий России в связи с грузинской агрессией, то их можно определить как нейтрально-выжидательные с некоторой оглядкой на позицию США и ЕС.

Подобная реакция была вполне предсказуемой, если учесть, что большая часть арабских стран экономически и политически зависит от Запада, прежде всего США.¹

Особого внимания заслуживает та линия, которой придерживается Турция. Вспомним иракскую войну: Турция, несмотря на союзнические отношения с США и мощный нажим с их стороны, заняла тогда довольно-таки специфическую позицию. И сейчас, во время кавказского конфликта, она вспомнила о Конвенции Монтрё и об ограничениях на проход через проливы военных кораблей нечерноморских стран - ограничениях, которые в данном случае касаются именно Соединенных Штатов.²

Необходимо отметить и реакцию Запада на события в Южной Осетии, которая оказалась мягче, чем можно было ожидать.

Показательно в этом отношении, например, общественное мнение итальянцев относительно

политики России и последствий кавказского кризиса. По их мнению, «Россия – это не враждебная сила, а важный фактор стабильности в многополярном мире» [4].

Главная причина такой, довольно умеренной реакции большинства государств Запада на действия России состоит, прежде всего, в фактическом признании того, что организованную военную акцию в Южной Осетии предприняло именно правительство Грузии. Кроме того, Запад ощущает глубокую взаимозависимость с Россией в экономическом отношении и необходимость тесного сотрудничества в сфере безопасности. К немедленному тесному международному взаимодействию с Москвой подталкивает разразившийся мировой финансовый кризис, заявление Ирана о запуске космической (то есть межконтинентальной) ракеты и объявление КНДР о прекращении сотрудничества по ядерной проблеме, очередная серия террористических актов [1].

Таким образом, по мнению экспертов, Россия в целом усилила свои позиции в мире [5], хотя характер отношений между Россией и групповым центром мира после Кавказского кризиса изменился в худшую сторону [6]. Тем не менее силовые действия России по принуждению к миру Грузии в августе 2008 г. соответствуют современным международным тенденциям в области миротворчества, а также динамике международного права [6, с. 9].

Еще один интересный факт, на который хотелось бы обратить внимание. Война на Кавказе дала импульс к поиску новых многосторонних конструкций. Принесет ли этот поиск ощутимые результаты, пока сказать трудно. Но российская инициатива в вопросе новой архитектуры европейской безопасности приобретает более актуальное звучание. Со стороны Турции есть предложение о создании «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» – с участием ОБСЕ и пяти стран региона, но без привлечения США, ЕС и НАТО. Упомянем также идею создания Организации каспийского экономического сотрудничества (Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркмения).

¹ Например, экономика Египта во многом ориентируется на американскую помощь, которая достигает \$ 2 млрд в год (значительная доля этой суммы идет на содержание и оснащение египетской армии). К тому же Египет после саммита стран средиземноморского бассейна, состоявшегося в Париже в июле 2008 г., становится главным партнером Франции по созданию Средиземноморского союза, который усиленно строит президент Н. Саркози. Саудовская Аравия имеет давние экономические связи с США и является одним из главных поставщиков нефти на американский рынок. Правящая династия королевства нуждается в американской военной и политической поддержке, чтобы противостоять усилившейся в последнее время исламистской радикальной оппозиции. Иордания, в свою очередь, традиционно ориентируется на политический курс США, в том числе в борьбе с международным терроризмом: в посольстве США в иорданской столице Аммане расположена одна из крупнейших штаб-квартир американских спецслужб. Тунис и Марокко с давних пор проводят политику, ориентированную на Запад.

² Конвенция Монтрё 1936 года – конвенция, восстановившая суверенитет Турции над проливами из Черного в Средиземное море, принятая на Конференции о режиме Черноморских проливов, проходившей 22 июня – 21 июля 1936 года в г. Монтрё (Швейцария). При этом Турция обязалась соблюдать принципы международного морского права.

Таким образом, реакция Запада на кризис в целом оказалась более мягкой, чем можно было ожидать. По этой причине для России, на мой взгляд, важно не прийти к излишне оптимистичному заключению, что все удалось как нельзя лучше. На самом деле, серьезные проблемы есть, они возникают на различных уровнях, носят разнообразный характер, и на них надо сконцентрировать внимание, не впадая в комплекс победоносной эйфории.

Россию стали опасаться – этого не было пять или десять лет назад. Россия создает неопределенность, она склонна применить силу, может запугивать, она не считается с другими – с ней лучше быть настороже. Если раньше можно было весьма аргументированно настаивать на том, что сильная Россия была бы для Европы благом, то сегодня становится все меньше и меньше людей, которые готовы подтвердить этот тезис.

Касательно перспектив здесь можно обозначить следующие темы. Во-первых, это тема доверия к России. Оно оказалось подорванным, и весьма существенным образом. И касается это самого широкого круга вопросов – от инвестиций до политики. Во-вторых, это тема взаимозависимости РФ и Запада. В краткосрочном плане Европа нуждается в России больше, чем Россия в Европе. А в долгосрочном – наоборот. России же необходимо думать о долгосрочных планах, о стратегических горизонтах. Здесь очень

много проблем. В-третьих, это тема новой архитектуры безопасности. На этом поле необходимо энергично работать, предлагать что-то конструктивное и противостоящее логике возрождающейся конфронтационности.

Таким образом, Кавказский кризис стал свидетельством того, что мир входит в эпоху неопределенности, которая существует в системе международных отношений с момента окончания «холодной войны». Политические процессы последнего времени наглядно показывают, что однополярный мир не сложился, также рухнули иллюзии возвращения к биполярности в новом формате и возникло сомнение в других, более сложных многоярусных моделях развития международной системы – многополярного мира [7].

После августовских событий 2008 г. стало очевидным, что все эти модели оказались нереализуемы в международной жизни.

Мир вступил в эпоху международной дезинтеграции и быстро движется от так и не сложившейся однополярной структуры к структуре бесполярной, в которой будут отсутствовать доминирующие центры силы, а значение больших держав будет гораздо меньшим, чем все привыкли. Дезинтеграция мира становится основным содержанием эпохи и важнейшей качественной характеристикой нового миропорядка [8].

Литература

- 1. Арбатов А.** Международная безопасность после кавказского кризиса // *Мировая Экономика и Международные отношения*, 2009, № 4. С. 4.
- 2. Цыганков П.А.** После Кавказского кризиса: мировой порядок и внешняя политика России // *Вестник Московского Университета. Сер. 18. Социология и политология*, 2009. № 1. С.30
- 3. Долгов Б.В.** Реакция стран Ближнего Востока и Среднего Востока на кавказский кризис // http://www/prospects.ru/oykumena/vostok/reakcia_stran_blichnego_i_srednego_vostoka_na_kavkazskiy_krizis_2008-8-18-9-53.htm
- 4. Арбатова Н.** Современная Россия глазами итальянцев // *Мировая Экономика и Международные отношения*, 2009, № 2. С.55
- 5. Дюамель Л.** После августовских событий на Кавказе положение России в мире укрепилось // *Вестник Московского Университета. Сер. 18. Социология и политология*, 2009, №1. С. 13
- 6. Дработ Г.А.** Кавказский кризис 2008 г. В контексте концепции «плюралистической однополярности» // *Вестник Московского Университета. Сер. 18. Социология и политология*, 2009, С. 7
- 7. Терновая Л.О.** Внешние и внутренние угрозы безопасности в бесполярном мире: проблемы измерения // *Вестник Московского Университета. Сер. 18. Социология и политология*, 2009, № 1. С. 15
- 8. Злобин Н.** Возможности дезинтеграции // *Ведомости*, 2008, 16 сент.

